

ИСПАНСКИЙ САДОВНИК

ГЛАВА 1

Ночной путь от Парижа до испанской границы оказался на редкость долгим и утомительным. Потом из-за досадной задержки в Портбоу, где их продержали лишние сорок минут, и из-за нерасторопности носильщика они не успели на утреннюю пересадку в Барселоне. Было уже почти пять часов пополудни, когда, усталые и запыленные, они тряслись по узкоколейке Коста-Бравы, приближаясь к своей станции. Несовершенство людей, равно как и механизмов, всегда выводило консула из себя, и его настроение было не самым благодушным. Выпрямившись в своем углу, он с беспокойством посматривал на тепло укутанного сына. Мальчик на противоположной скамье длинного замусоренного вагона, пахнущего пылью, чесноком и прочими застарелыми деревенскими ароматами, украдкой бросал на отца ответные любящие взгляды.

— Ну как ты, Николас? — в третий раз за час спросил консул.

— Хорошо, папа.

Грохочущий локомотив, из последних сил одолев крутой поворот, с пронзительным свистом втащил поезд на пустынный перрон Сан-Хорхе. Оставив дорожный плед и оба чемодана в вагоне, консул за руку вывел Николаса на безлюдную, покрытую толстым слоем красной пыли платформу, вдоль узкой полосы которой тянулись пальмы,

понуру клонившиеся под порывами ветра. Подумав, что их никто не встречает, консул нахмурился, но тут же увидел у входа молодого человека в аккуратном льняном костюме, несколько севшем от стирки, с галстуком-бабочкой и в желтой соломенной шляпе. Рядом был припаркован серый автомобиль с американским флажком на капоте. При виде двух пассажиров молодой человек в сопровождении шофера суетливо заторопился им навстречу:

— Мистер Харрингтон Брэнд? Рад вас видеть, сэр! Мы вас ждали с утренним поездом. Я Элвин Деккер из офиса. — Он повернулся к шоферу, смуглому коренастому испанцу в черной куртке из альпаки, джинсах и рыжих остроносых туфлях. — Пожалуйста, Гарсиа, возьмите багаж.

Разглядев машину, Брэнд почувствовал, что раздражение начинает его покидать: солидный «пирс-эрроу» с откинутым верхом сверкал надраенной латунью, вычищенными шинами и белоснежными чехлами на сиденьях. Пока выносили их багаж, Брэнд стоял в стороне — грузный, высокий и оттого сутуловатый, с едва заметным, прибегаемым для подчиненных выражением надменности на удлиннном желтоватом лице, от крыльев носа к уголкам губ прорезанном глубокими складками.

— Надеюсь, сэр, дом вам понравится, — говорил тем временем Элвин. — Мистер Тенни увез своих слуг, но я приложил все усилия и нанял хорошую пару. Гарсиа — шофер и дворецкий, — он понизил голос, — с наилучшими рекомендациями... А Магдалина, его жена, — превосходная повариха.

Харрингтон Брэнд кивнул:

— Мы можем ехать?

— Да, сэр! — едва не задохнувшись от волнения, воскликнул Элвин.

Они сели, и машина тронулась. Привычно сжимая под пледом тоненькие влажные пальцы сына, новый консул безотрывно рассматривал окрестности. Место не казалось столь отвратительным, как он того опасался. Воздух был прозрачен; изогнутую береговую линию, вдоль которой они ехали под угасающим февральским солнцем, окаймляла полоса чистого песка; между фонарными столбами набережной, хотя и несколько неровно, росли цветущие акации. На площади среди алых цветов огненного дерева искрились струи фонтана; за черными фигурами стариков, читающих «Ла Гасету», посверкивала облезавшей позолотой эстрада; старенький автобус высаживал пассажиров — все это создавало приятное ощущение жизни. Через дорогу от церкви с неизменной розовой штукатуркой и парой куполов, напоминающих вздернутые вверх груди, с центральной колокольней, облицованной цветной плиткой и увенчанной потускневшим крестом, промелькнули один-два недорогих магазина и вполне приличное на вид кафе «Эль Чантако» с полосато-синим тентом; дальше по улице рядом с гаванью виднелось солидное коммерческое здание, в котором, как тут же сообщил Деккер, располагался офис консульства.

Но это что такое?.. Совсем рядом — консул не мог этого не заметить — в порту, с которым по большей части будет связана его работа, царило унылое запустение, он будто вымер. Вряд ли здесь происходило что-либо более серьезное, чем вялая торговля кожей, удобрениями, пробкой, оливковым маслом и эстрагонным уксусом. Всего две рыбацьи шаланды на пристани да ржавый каботажный пароходик, с которого несколько моряков с помощью трех ослов и простейшего шкива лениво сгружали бочки. Бренда снова захлестнула волна горькой обиды, на лице отразились тяжелые раздумья. Почему, ну почему в сорок пять

лет, после пятнадцати лет усердной и безупречной службы в Европе его отправили в такую глухую дыру, с его-то выдающимися способностями? Да он хотя бы только стажем давно заслужил право занять высокий пост в Париже, Риме или Лондоне! Последние полтора года в Арвиле, среди нормандских болот, он надеялся, что следующее назначение принесет ему заслуженную награду. И на тебе — Сан-Хорхе... А самое обидное, что его предшественнику Тенни, который моложе его на целых три года, досталось место консула первого класса в Мадриде под началом самого Лейтона Бейли...

— Папа, смотри! Правда красиво?

Оставив город позади, они поднимались по крутой петляющей песчаной дороге между рядами серебристых эвкалиптов, и взволнованный Николас застенчиво указывал на открывшийся с вершины вид. Под ними простиралось Средиземное море с тонкой башней далекого маяка над скалистым мысом бухты в белой пене прибоя. Севернее сквозь голубую дымку тускнели очертания громадных гор. В воздухе плавал аромат трав с добавкой соли. А прямо перед ними на краю ущелья, густо окутанная жемчужными лепестками ладанника и почти скрытая за высокой изгородью из мимозы, раскинулась вилла под красной черепицей. Над входом с колоннами выгоревшими буквами было выведено «КАСА БРЕЗА».

— Нравится? — Элвин Деккер повернулся к мальчику, и по напряженному ожиданию в его тоне Николас понял, что это и есть их новый дом.

За свои короткие девять лет Николас пережил много перемен и слегка утратил способность удивляться. Но этот необычный старый дом, который казался таким заброшенным и таинственным, притягивал его к себе. Консулу, похоже, он тоже понравился. Когда они, прохрустев колеса-

ми по гравию подъездной дорожки, вышли из машины, его острый оценивающий взгляд смягчился.

Здание в мавританском стиле с просторным арочным портиком и горизонтальной, слегка нависающей крышей выглядело благородно-изысканно: время превратило в янтарь простую желтизну стен из местного песчаника, оно же слегка затушевало и яркую киноварь крыши.

Широкий балкон, куда выходили окна верхнего этажа, обильно зарос глицинией и виноградной лозой, сиренью и яркими побегамы бискутеллы. Слева — зеленый от мха мощный двор, ведущий к конюшне и другим хозяйственным постройкам. За домом — сад.

— Дом, конечно, старый, — заметил Элвин, увидев лицо своего шефа. — Кое-что требует ремонта. Электричества нет, только газ. Но мистер Тенни был им очень доволен. Видите ли, рядом с офисом нет подходящего жилья, а здесь у нас долгосрочная аренда... С мебелью...

— Ясно, — оборвал его консул.

Устремившись всем корпусом вперед, он зашагал по пологим ступеням крыльца к распахнутым дверям, где их уже ожидала улыбающаяся полная женщина средних лет в строгом черном платье, которую Деккер представил как Магдалину.

Внутри был прохладный холл с высоким потолком и мозаичным полом, по разным сторонам которого располагались выполненные в стиле рококо столовая и гостиная с массивной двустворчатой дверью. В глубине холла темнела спиральная лестница из орехового дерева, и консул, памятуя о своих обязанностях и правах, невзирая на усталость, грузно поднялся на второй этаж для осмотра комнат. Их было намного больше, чем требовалось ему с сыном и будущим потенциальным гостям, но это не могло смутить человека с изысканным вкусом. Консулу понравился простор помещений, инкрустированные тумбоч-

ки и комоды, позолоченные стулья с гобеленовой обивкой, сонетки с кистями и выцветшие бархатные шторы; даже легкая затхлость длинного коридора и та ласкала его обоняние. Когда доставят его увесистый багаж, здесь будет достаточно места для книг и фарфора и для замечательной коллекции старинного оружия, собранной им за много лет в разных местах.

Когда Брэнд спустился в холл, было заметно, что он доволен. Элвин вздохнул с облегчением, его карие глаза радостно заблестели.

— Надеюсь, все в порядке, сэр? У меня оставалось не слишком много времени после отъезда мистера Тенни, но я сделал все, что мог.

— Разумеется, — обходительно ответил консул, придав голосу максимальную загадочность.

Он не настолько глуп, чтобы начинать свое руководство с расточения похвал помощнику. Это лучший способ разрушить дисциплину и спровоцировать фамильярность. Кроме того, он уже решил, что общество этого нервного юнца в облегающем костюме, лопнувшем под мышкой, совершенно невыносимо и лучше держать его на расстоянии. А так как Элвин все не уходил, вертя в руках соломенную шляпу, словно ожидал, что его пригласят остаться, может быть, даже предложат выпить хереса, Брэнд вежливо, но решительно проводил его к двери:

— Увидимся завтра в офисе, мистер Деккер.

— Хорошо, сэр.

— Вы всегда приходите ровно в девять?

— Да, конечно!

У Элвина покраснела шея над воротничком. Перед тем как попрощаться, он остановился на ступеньках крыльца и, набравшись смелости, запинаясь, произнес:

— Могу я надеяться, что вы окажете нам с миссис Деккер честь своим посещением? Мы живем на Калье Эстрада,

дом небольшой, но мы постарались превратить его в кусочек старой доброй Америки.

Его неуверенность вызвала сочувствие у Николаса, и он умоляюще посмотрел на отца. Консул ответил Элвину предельно вежливо, но, когда тот ушел, губы Брэнда скривились. Никто не мог поставить под сомнение его лояльность к своей стране, и все же он считал себя рафинированным космополитом, вылепленным европейской культурой, — по сути, гражданином мира! Неудивительно, что наивная фраза Элвина вызвала у него усмешку.

В семь часов вечера Гарсиа, замечательно предвосхитив пожелание хозяина, объявил, что обед подан. В столовой их ждали два прибора, и, усевшись в разных концах длинного резного стола с горящим канделябром посередине, отец и сын приступили к первой трапезе в новом доме.

Погруженный в свои мысли и глубоко озабоченный переутомлением Николаса, консул ел молча. Но превосходная еда и отменное обслуживание, приятная полутьма прохладной комнаты принесли ему успокоение, развеяв все досады и огорчения этого дня. Тяжелым задумчивым взглядом сопровождая все движения дворецкого, он наконец приподнял завесу непроницаемой сдержанности:

- Вас зовут Гарсиа, как я понимаю?
- Да, сеньор.
- Вы всегда жили в Сан-Хорхе?

Гарсиа выпрямился с бесстрастным видом. В глубине его лишенных выражения глаз на мгновение вспыхнуло, отразившись, пламя свечей.

— Нет, сэр. Я жил в гораздо более крупных городах. И всегда у самых лучших людей. Прежнее место моей службы было у семьи де Аоста в Мадриде.

- Вы имеете в виду маркизу де Аоста?

— Одну из ветвей этой семьи, сеньор.

Харрингтон Брэнд понимающе кивнул. Он бы возмутился, если бы его обвинили в снобизме. Тем не менее он придавал большое значение общественному устройству, и ему было приятно, что этот молчаливый человек, который сейчас ему прислуживает, имеет, если можно так выразиться, аристократические рекомендации.

— Передайте поварихе, что утром я хочу ее видеть. У сына хрупкое здоровье, ему требуется особая диета.

Когда Гарсиа, поклонившись, бесшумно удалился, консул с удовлетворением заметил:

— Превосходный мальчик!

Слово «превосходный» — относилось ли оно к слуге, лошади или его близкому другу профессору Галеви из Парижа — было высшей похвалой в устах консула. Но на этот раз Николас не смог разделить восторг отца. Первым же косым взглядом дворецкий вызвал в нем странное неприятие, которое он не мог объяснить.

Допив кофе, консул многозначительно посмотрел на свой золотой брегет. Но Николас, на которого возбуждающе действовала необычность виллы, стал упрашивать отца погулять перед сном в саду, и тот милостиво согласился.

В пальто, укутавшем узкие плечи, чтобы исключить малейшую вероятность переохлаждения, мальчик глубоко вдыхал теплый душистый воздух, лившийся, казалось, из ниоткуда, смывая все представления о пространстве и времени. И хотя гул поездки все еще звенел в ушах Николаса, он ощущал, как на него и на сад опускается вечерний покой. Сад был больше — да что там! — огромнее, чем он ожидал, и восхитительно запущенный. От крыльца в сад под тремя перголами, сгибающимися под тяжестью вьющихся роз, сбегала дорожка, с обеих сторон окаймленная широкими травянистыми бордюрами, на которых в беспорядке

росли примулы и большие белые пионы. Слева были заросли мирта и олеандра, полные белых и розовых душистых цветов. С другой стороны раскинулся луг (возможно, когда-то здесь был газон), а на нем два прекрасных дерева — раскидистая катальпа и тамариск; далее, за низкой оградой и деревянным сараем, лежала каменистая пустошь, усеянная белыми валунами, колючими кактусами и сиреневыми кустами азалии. За пустошью заросли лавра скрывали конюшню и жилые помещения, а дальше склон с чахлыми кедровыми деревцами плавно переходил в морской берег.

Николас стоял рядом с отцом, упиваясь этой красотой, его пьянили ароматы почвы и буйной растительности, и в душе у него стало зарождаться предчувствие, переходящее в уверенность: здесь он может быть счастлив. Никогда еще, ни в одном из мест, где им приходилось жить, он не ощущал ничего подобного. Здесь он будет счастлив! Снизу приглушенно доносились резкие вздохи прибоя. Радость захлестнула мальчика, он зажмурился, боясь расплакаться, и стал дышать медленно и глубоко в счастливом ожидании.

— Правда красиво, папа? — проговорил он, желая продлить это мгновение.

Неожиданно для самого себя консул улыбнулся той редкой улыбкой, которую только Николасу дано было вызвать у отца. Прелесть сада не оставила равнодушным и его. Обводя взглядом спутанные кусты олеандра и густую изгородь из мимозы, которой Тенни позволил расти как попало, консул мысленно вынашивал не лишённые грандиозности планы благоустройства, свежих посадок, ландшафтного дизайна и садово-парковой архитектуры.

— Это может стать красивым, — снисходительно согласился он. — Нам необходим садовник. Я займусь этим завтра.

Возвращаясь в дом, он нежно смотрел на сына, тревожно думая при этом: неужели этот сад, этот чистый целебный воздух гор и моря не прибавят ему здоровья?

На втором этаже он заранее выбрал для себя и Николаса две смежные спальни в передней части дома, разделенные занавешенным дверным проемом, через который он сможет ночью подойти к сыну, если будет нужно. Сам он спал очень чутко и часто страдал от бессонницы. Тем не менее его бдительно-заботливая любовь к сыну требовала, чтобы он всегда был рядом с ним в ночные часы, когда мальчика терзали кошмары. Николас часто просыпался в холодном поту, трепеща от страха, с бешено бьющимся сердцем. Этот симптом болезни больше всего беспокоил консула.

Их чемоданы наверху уже были разобраны, и Николасу осталось только раздеться, умыться и выпить через стеклянную трубочку железосодержащую микстуру, прописанную ему профессором Галеви, а потом почистить зубы. Затем он в ночной рубашке опустился на колени рядом с отцом для молитвы. Несмотря на приобретенную за время долгого пребывания в Европе светскость, Харрингтон Брэнд оставался — в чем он признавался без тени улыбки — религиозным человеком. Он позволял себе посмеиваться над своими английскими предками, но их пуританский дух был в нем крепок. Он выслушал любимого сына, склонив голову и положив руки ему на плечи, а в конце добавил от себя особую молитву, в которой просил Всевышнего защитить его и сына и благословить пребывание в их новом жилище. Потом помолчал и глухим голосом тихо произнес слова, идущие как бы из самого его сердца:

— Мы просим Божьей милости ко всем грешникам... и особенно, мое дорогое дитя... мы просим милости к твоей матери.

Минуту спустя Николас уже лежал в большой кордовской кровати с отделанным желтой тисненой кожей и большими медными заклепками изголовьем. Консул помедлил, с некоторой неловкостью глядя на почти исчезнувшую под большим парчовым стеганым одеялом фигурку.

— Да, мой мальчик... Ты слишком устал, чтобы читать сегодня.

У Николаса от слабости кружилась голова, веки — фиолетовые тени на бледном личике — тянул вниз непреодолимый сон. Но, зная, какое значение отец придает заключительной части их вечернего ритуала, он с усилием улыбнулся и возразил, что ни капельки не хочет спать.

Поколебавшись совсем недолго, консул уступил своим привычкам, от которых неудержимая любовь к ребенку призывала его отказаться. Зайдя на минутку в свою спальню, он вернулся с увесистой книгой по орнитологии Акермана, уселся на край мягкой кровати и надел очки в роговой оправе.

— Как ты помнишь, Николас, в последний вечер в Арвиле мы обсуждали интереснейшую тему — птицы Южной Африки. Сегодня мы прочтем совсем немного, чтобы не было перерыва в занятиях. — Он полистал книгу. — Итак, мы остановились здесь, — и, прочистив горло, начал читать: — «Страусы, род *Struthio*, — самые крупные из ныне живущих птиц. Они характеризуются наличием двух пальцев на ногах и отсутствием киля у грудной кости. Самец может достигать семи футов в высоту и весить до 300 фунтов. На песчаных равнинах и открытых местах страусы очень хорошо бегают, но, загнанные в угол, могут стать чрезвычайно свирепыми. Птицы славятся своим великолепным оперением. Самцы проявляют особую заботу о потомстве...»

ГЛАВА 2

На следующий день консул встал рано и точно ко времени отбыл в офис. У Николаса же, к сожалению, ночь прошла беспокойно. Сквозь овладевшее им оцепенение проносились, причудливо сплетаясь, детали поездки и скрежет паровозных колес, шум прибора и, непонятно почему, темная, бесстрастная фигура дворецкого. И хотя утром температура была нормальной, отец, обеспокоенный избыточным румянцем на щеках сына, настоял, чтобы тот остался в постели, но, разумеется, пообещал к ланчу вернуться и решить, можно ли ему встать.

Николас расстроился. Вот если бы ему позволили хотя бы просто полежать в этом чудесном саду! Но он был послушным ребенком, хорошо осведомленным о всех своих недугах, и успел привыкнуть к регулярным измерениям температуры и пульса, предписанным профессором Галеви, равно как и к неусыпной заботе отца, которую принимал со своеобразно-сдержанной благодарностью.

Магдалина, запыхавшаяся от подъема по лестнице, не утратившая радушия, принесла завтрак. Ее черные глаза почти спрятались в складках пухлых смуглых щек, а белый шарф, обмотанный вокруг головы, и металлические серьги в виде колец делали Магдалину похожей на цыганку. Благодаря урокам отца Николай неплохо говорил по-испански, а кроме того, он рано овладел французским и итальянским, но Магдалина тараторила на каком-то диалекте, видимо каталонском, и они плохо понимали друг друга. Уперев руки в бока, она стояла, глядя на него с нескрываемым крестьянским любопытством. Заметив это, мальчик решил ей немного подыграть: захлопав длинными ресницами, он заглотнул воздух и утробно заурчал. Она хотнула и, покачав головой, вышла.

Завтрак был привычным, но довольно вкусным: яйца всмятку, хрустящие галеты с сотовым медом и стакан кипяченого козьего молока. Очевидно, отец успел дать поварихе указания. Николас ел медленно и благодаря приобретенному опыту не уронил на простыню ни единой крошки. Затем он соскочил с кровати и притащил с туалетного столика мохнатую собаку с короткими лапами, которая тихо и преданно дожидалась его внимания. Он знал, конечно, что ему нельзя держать живую собаку. Не любивший собак консул аргументированно объяснил ему, что трудности, сопряженные с их слишком подвижным образом жизни, исключают такую возможность, и мальчик нашел замену в виде этого маленького чучела. Однако сегодня Николас не был настроен на одну из тех бесед, которые скрашивали им обоим долгие часы одиночества. Он также не смог заставить себя заниматься. Учебник, положенный отцом на тумбочку, чтобы сыну было удобно его брать, удостоился только беглого взгляда. Нет, слишком уж он был возбужден новизной до сих пор не исследованного места. Пока яркий квадрат солнечного света тепло скользил по полосатым бордовым обоям с причудливым орнаментом, которые от этого становились еще занятнее, мальчик лежал на спине, вслушиваясь в безмолвное сердцебиение дома.

Впрочем, не такое уж и безмолвное. Звуки донеслись с первого этажа — неприятные, будто там ссорились, — перепалка с последующим громким стуком, как догадался Николас, хлопнувшей двери кухни. Затем до него донесся приглушенный шепот, звуки неспешной уборки, из столовой внизу слышались шаги и потянуло запахом крепкого табака. Пытаясь выстроить четкую картину происходящего, Николас был застигнут врасплох и даже испуган внезапно открывшейся дверью. Обернувшись, он увидел Гарсиа, взирающего на него с видом заговорщика.

От неожиданности краска бросилась мальчику в лицо. Необъяснимое недоверие к дворецкому, которое он испытал накануне вечером, будто с самого начала почувствовал в нем врага, вернулось с удвоенной силой, когда тот возник на пороге.

— Могу я забрать поднос? — Гарсиа говорил вкрадчиво, с подчеркнутой учтивостью, но горящая сигарета в желтых от никотина пальцах выдавала его притворство.

— Да, пожалуйста... Спасибо! — запинаясь, ответил Николас слабым голосом.

Дворецкий не сдвинулся с места, лишь обнажил зубы, что при общей неподвижности его черт должно было, вероятно, означать улыбку.

— Не бойтесь меня, — мягко сказал он. — Я хорошо лажу с детьми. В одном доме их было семеро. Младшая девочка любила сидеть у меня на коленях. Потом она умерла. — Николас судорожно вздохнул, а дворецкий, не сводя с мальчика глаз, рассеянно поднес к губам коричневую сигарету и глубоко затянулся. — Когда-нибудь я вам о ней расскажу. У нас может получиться интересный разговор. Я многое повидал. Много грустного и страшного. Много невероятного. Мир полон дураков. А меня ничем не проймешь, ровным счетом ничем.

— Что вы хотите этим сказать? — выдохнул Николас.

Гарсиа равнодушно пожал плечами:

— Потом поймете. Я был солдатом. Офицером. Я видел, как людей избивают, пытаются, убивают. Но мы поговорим об этом в другой раз. Скажите, а где ваша мама?

Николас побледнел. Вопрос, заданный с небрежностью, маскирующей дерзость, заново разбередил самые сокровенные раны в его съезжившейся душе. От испуга он чуть не ответил: «Она умерла». Ведь сколько раз отец со скорбью говорил, что для них обоих она все равно что умерла. И только вчерашняя вечерняя молитва о ее прощении не

позволила уподобить забвение могиле. Но солгать ему не разрешил природный инстинкт, основанный не столько на неискушенности, сколько на странном предчувствии: если он солжет этому человеку, то раз и навсегда будет перед ним беззащитен. Тогда ему не спастись.

— Она в Америке, — запинаясь, произнес Николас.

— О! — воскликнул Гарсиа. — Прекрасная страна! Но почему не здесь?

У Николаса задрожал подбородок, что вызвало трепет губ и тонких ноздрей, лоб сморщился.

— Мама больше не живет с нами, — только и смог выдать он.

Тонкие губы Гарсиа раздвинулись в беззвучном смехе.

— Значит, она нам никто. Она живет отдельно. Но такое от людей не спрячешь. — Он замолчал, прислушиваясь к неторопливым шагам, донесшимся с крыльца, затем кивнул и тем же тоном, разве что с легким оттенком осторожности, сказал: — Ваш отец вернулся. Не стоит говорить ему о нашем интересном разговоре. Теперь у нас с вами есть тайна. Помните об этом, невинное дитя.

Приблизившись к кровати, он одной рукой ловко поднял поднос и, с полупоклоном и все с той же иронично-лакейской ухмылкой, повернулся и вышел из комнаты.

Растерянный до потрясения, с нахмуренным лбом, Николас остался лежать. Он был подавлен и опустошен, и лишь появление отца удержало его от плача.

Консул пребывал в хорошем расположении духа, явно не омраченном утренней работой, и после беглого осмотра позволил сыну встать. Пока мальчик одевался, консул, присев на край кровати, говорил и говорил в совершенно несвойственной ему манере, перескакивая с одного на другое. Офис оказался лучше, чем он ожидал, — маленький, но вполне современный — и находится над гаванью, откуда летом будет дуть приятный бриз. Кроме Элвина Деккера,

в штате состоят два клерка-испанца. Оборудование в исправном состоянии, кроме нуждающейся в ремонте пишущей машинки и сломанного ротатора, который он уже велел заменить.

— А теперь тебе, наверное, будет интересно узнать, что я нашел садовника, — все тем же оживленным тоном продолжил консул. — Он во дворе. Пойдем, помотришь на него.

Бок о бок, не спеша, они спустились по лестнице. Высокий, ладно скроенный юноша лет девятнадцати с открытым лицом и мягким взглядом черных глаз, стоя у задней калитки, смотрел на них с почтительным вниманием. У юноши были ярко очерченные брови и густые черные волосы, а над верхней губой уже виднелась незрелая, трогательная тень. Простое лицо, несмотря на шафрановый цвет, было бы даже красивым, если бы его не портил полуоткрытый рот с пухлыми губами. Молодой человек был одет в свой лучший костюм из дешевой ткани, но тщательно вычищенный, с очень коротким — по каталонской моде — пиджаком; манжеты брюк слегка обвисали, прикрывая разбитые башмаки. Его большие смуглые руки сжимали круглую плоскую шляпу.

— Итак, парень, как, ты сказал, тебя зовут? — весело окликнул его консул.

— Хосе, сеньор... Хосе Сантеро.

— И что, ты опытный садовник?

Хосе виновато улыбнулся, обнажив прекрасные белые зубы. И такой заразной была эта теплая естественная улыбка, что Николасу тоже захотелось улыбнуться в ответ.

— Я умею копать и рыхлить землю, сеньор. Могу подрезать и сажать деревья. Я очень старательный. Но не слишком опытный.

— Я был уверен, что у тебя есть опыт работы, — несколько раздраженно заметил Брэнд.

— Да, конечно, сеньор, — поспешил ответить Хосе. — Я три года работал на виноградниках в Монтаре. Но сейчас в горах нет работы...

— У тебя есть рекомендации?

У Хосе перехватило дыхание. Улыбка стала жалкой, он перевел взгляд на мальчика, как бы ища у него поддержки.

— Мы не заботимся о таких вещах, сеньор. Вы можете спросить Диего Боргано из Монтары, думаю, он обо мне плохого не скажет.

Наступило молчание. Николас с беспокойством посмотрел на отца. Тот покусывал губу, явно озадаченный таким поворотом дела, и мальчик решительно подавил в себе желание, которое могло только повредить Хосе, попросить отца нанять этого садовника — такого молодого, приветливого и такого симпатичного.

Звук обеденного гонга ускорил принятие решения. В конце концов, на бирже о парне хорошо отзывались.

— От тебя потребуется усердный труд, — строго сказал консул. — Оплата тридцать песет в неделю. Ты согласен?

— Я принимаю ваши условия, — серьезно ответил Хосе.

— Очень хорошо, — произнес Харрингтон Брэнд. — Приходи завтра к восьми часам, я покажу тебе, что нужно делать... Пошли, мой дорогой. — Взяв сына за плечо, он направился в дом.

В глазах Николаса запечатлелся приятный облик испанского юноши, держащегося скромно, но с достоинством в своей бедной воскресной одежде, со смешной твердой шляпой в красивых смуглых руках. Поднимаясь вслед за отцом по ступеням веранды, он, подчиняясь непреодолимому желанию, посмотрел назад через плечо и улыбнулся. Зубы Хосе сверкнули в ответной улыбке, и он, к большой радости мальчика, весело помахал ему рукой. И что-то в этом жесте проникло в самое сердце Николаса... Со скрытым удовольствием он все время думал об этом и во время ланча, и потом тоже и тихонько про себя смеялся.

ГЛАВА 3

Для Николаса было устроено место под олеандрами, где цветущие ветки, свисая, образовали подобие беседки. Здесь, в соответствии с составленным отцом расписанием, он проводил большую часть времени между ланчем и чаем, лежа в шезлонге, дыша морской свежестью и внимательно читая книгу, несомненно полезную, поскольку выбрал ее сам консул.

Но в это утро взгляд мальчика то и дело невольно перебегал со страниц на нового садовника, приводящего в порядок разросшийся бордюр под катальпой. Николасу вот уже два дня очень хотелось с ним поговорить, но случай все никак не подворачивался, а подстроить его самостоятельно не позволяла застенчивость. Теперь же, видя, с какой скоростью Хосе продвигается вдоль бордюра, взрыхляя землю и выпалывая сорняки, мальчик понял, что садовник вот-вот окажется рядом, и его сердце застучало быстрее в предвкушении встречи, ведь он с самого начала почувствовал ток взаимопонимания — точнее не скажешь, — текущий между ним и этим испанским юношей. Конечно, он мог ошибаться. Хосе вполне мог оказаться таким же живым льстецом, как Гарсиа, но Николас гнал от себя эту мысль — слишком велико было бы разочарование, такого ему не вынести.

В конце концов садовник приблизился к беседке, выпрямился, облокотившись на ручку заступа, и улыбнулся Николасу. Мальчик знал, что ему следует заговорить первым, но ничего не мог придумать, а когда наконец нашелся, слова застревали у него в горле.

— Вы так тяжело работаете, — по обыкновению зардевшись, выдавил он.

— Нет, нет! — Улыбка Хосе стала шире, и он пожал загорелыми плечами.

Он был обнажен до пояса, а туго подпоясанные хлопчатобумажные штаны и эспадрилы не скрывали очертаний стройных сильных ног. Игра мускулов под гладкой золотистой кожей делала ее живой и теплой. Дыхание, несмотря на физические усилия, было спокойным.

— А вы не работаете? — помолчав, наивно спросил он.

— Я занимаюсь. — Николас указал на книги, лежащие рядом с ним на плетеном столе, при этом румянец на его щеках стал ярче.

— Да, конечно, — серьезно кивнул Хосе в знак признания за собеседником интеллектуального превосходства. — Думаю, вы очень умны.

— Вовсе нет! — еще сильнее раскрасневшись, запротестовал Николас. — Просто мне нужно много отдыхать, поэтому я и читаю.

— Вы заболели?

— У меня температура всегда немного повышена, — смущенно пояснил Николас. — Слабое здоровье...

— Если бы вы работали, как я, — все так же с улыбкой сказал Хосе, — вы бы окрепли. — Он протянул руку. — Идемте. Я вскопал землю, а сейчас буду сажать цветы. Вы мне поможете.

Николас онемел от восторга и заколебался, но всего на мгновение. Он всем сердцем рвался пойти с Хосе, чья надежная рука, развеяв застенчивость мальчика, с такой легкостью подняла его на ноги, будто он весил не больше перышка. Они пошли в сарай, где Хосе поставил на плечо открытый ящик с рассадой петуний, который консул сегодня утром велел ему принести с рынка, а оттуда направились к дальнему краю газона. Здесь, натянув вдоль свежевскопанного бордюра две бечевки, Хосе приступил к посадке. Сначала Николас только наблюдал за работой садовника, затем, в ответ на его приглашающий взгляд, наклонился и сам несмело опустил рассадку в землю. После этого он

уже не мог остановиться. До чего же приятно брать в руки прохладный зеленый стебелек, уминать теплую мягкую землю вокруг волосяных корешков, смотреть, как храбро тянется к свету этот маленький росток!

Николас всегда жил в городах, в домах, выходящих прямо на улицу, и теперь, сидя на корточках рядом с Хосе под припекающим затылок солнцем, вдыхая пьянящий дух земли, он чувствовал, что ничего более чудесного в своей жизни не знает. Даже пот, щекочущий тело под майкой — обычно такой зловещий симптом, — его совсем не беспокоил.

К четырем часам с посадкой было покончено, и, стоя рядом с Хосе, Николас с гордостью взирал на аккуратный цветник, где вскоре распустятся красивые яркие цветы. Мальчик был так поглощен содеянным чудом, что не услышал, как во двор въехала машина, и голос отца за спиной застал его врасплох:

— Николас, чем ты тут занимаешься? — В удивленном взгляде консула слышался оттенок неодобрения.

Мальчик подпрыгнул от неожиданности, а когда повернулся к отцу, его лицо еще сияло радостью от собственного достижения.

— Папа, тут было так интересно! Я смотрел и даже помогал сажать эти петунии. Теперь их нужно полить, иначе они не расцветут. — И затем умоляющим тоном добавил: — Еще не очень поздно. Можно мне немножко подождать и посмотреть, как все будет сделано?

Брэнд недовольно перевел взгляд с сына на садовника, а тот, зная свое место, отступил на пару шагов и стал наматывать бечевку на колышек. Его лишенное всякого намека на индивидуальность занятие, похоже, успокоило консула. Облачко, показавшееся было на его челе, как дымка на Олимпе, развеялось, и, подняв брови, он сухо изрек:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПАНСКИЙ САДОВНИК	
<i>Перевод Л. Бергер-Винокур</i>	5
ДРЕВО ИУДЫ	
<i>Перевод Е. Коротнян</i>	181

Кронин А.

К 83 Испанский садовник ; Древо Иуды : романы / Арчибалд Кронин ; пер. с англ. Л. Бергер-Винокур, Е. Коротнян. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-21518-4

У консула Харрингтона Брэнда не сложились ни личная жизнь, ни карьера. Получив незначительный пост в маленьком испанском городке, он переезжает туда вместе с сыном Николасом. Эгоистичный и властный отец не разрешает мальчику видеться с матерью, под предлогом слабого здоровья не пускает его в школу и не позволяет общаться со сверстниками. И потому Николас быстро заводит дружбу с молодым дружелюбным садовником Хосе. Чувствуя, что сын выходит из-под его жесткого контроля, обозленный Харрингтон Брэнд идет на сомнительные меры, чтобы разорвать дружбу Николаса и Хосе...

Дэвид Мори, шотландский врач, живет в Швейцарии и пользуется уважением в обществе. Его считают баловнем судьбы. Однако уже много лет Мори страдает бессонницей, его преследуют воспоминания о женщине, которую он когда-то любил, но бросил. Не в силах исправить ошибки молодости, он снова и снова разрушает себя, ломает судьбы дорогих ему женщин и приближает неминуемую трагедию...

Романы «Испанский садовник» (впервые на русском!) и «Древо Иуды» написаны в прекрасной повествовательной манере классических произведений Кронины.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
ИСПАНСКИЙ САДОВНИК
•
ДРЕВО ИУДЫ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Лариса Ершова

Подписано в печать 01.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-IIN-30468-01-R